

О. В. Афанасьева

Эсхатологическая направленность жизни старообрядческих общин ветковского согласия

В статье представлена попытка описания и анализа эсхатологических воззрений отдельных старообрядческих общин ветковского согласия и их осуществления на практике. При видимом расцвете и оформлении самобытной культуры: ветковской иконописи, резьбы, украшения рукописной книги и т. д., при восприимчивости к отличным от нее культурным влияниям, при способности к самоуправлению и церковной ответственности, при стремлении преобразования земной реальности в возведении ее к небесному идеалу, ветковские общины все же остались привержены стереотипным формам жизни, что повлекло за собой отождествление исторического порядка с мистическим порядком Царства Божьего.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эсхатология, старообрядчество, община, раскол, спасение, образование, обряд, ветковское согласие.

Эсхатологические устремления изначально были свойственны христианам. На протяжении многих веков жизнь Церкви пронизывалась эсхатологическими ожиданиями, то усиливавшимися, то ослабевавшими. Подобные мотивы находим в текстах Священного писания у пророков Ветхого завета — Исаяи, Захарии, Даниила, Ездры: «Поглощена будет смерть навеки, и отрет Господь Бог слезы со всех лиц, и снимет поношение с народа Своего по всей земле»^{*1}, «И Господь будет Царем над всею землею; в тот день будет Господь един, и имя Его едино»^{*2}; и в посланиях апостола Павла, у евангелистов, в Деяниях апостолов, в книге Откровения Иоанна Богослова. Царство Божье при этом описывалось и как то, что принадлежит будущему, и как реальность, уже существующая. К первым христианам было обращено обещание установления Царства Божьего на земле, отсюда и возглас «Маранафа!»^{*3}. Вопросы, связанные с реальным проживанием Царства Божьего в границах существующей церковной общины, встречаем в тексте

^{*1} Ис 25:8

^{*2} Зах 14:9

^{*3} 1 Кор 16:22

Учения двенадцати апостолов (Дидахе). Самое древнее из известных нам произведений отцов церкви, которое специально ставит вопрос христианской эсхатологии, — трактат «Толкования на книгу пророка Даниила» свщмч. Ипполита Римского, так же как и другая его работа — «О Христе и антихристе».

Но уже на рубеже I и II веков христиан больше стали волновать вопросы о сроках наступления Страшного суда и о требованиях к верующим. С III–IV в. в церковном сознании утвердилось мнение о кончине мира с истечением седьмой тысячи лет. В русской истории эсхатологические чаяния стали особенно острыми в XIV–XV вв. Все знаки конца света отождествлялись с царством антихриста. Но при этом верили, что для истинных христиан, не подчинившихся его власти, конец света знаменует собой начало Царства Божьего на земле. Стремление низвести небо на землю и воплотить небесный идеал на земле и теперь является определяющим свойством многих религиозных движений, одним из которых в XVII в. стало старообрядчество.

Старообрядчество начиналось как массовое народное движение, замешанное на апокалиптических ожиданиях. Отличительной чертой эсхатологического учения старообрядцев стал тезис о состоявшемся воцарении антихриста, который потребовал доказательств. Большое влияние на становление этого учения оказали издания московского Печатного двора 40-х годов XVII в. — «Книга Кирилла Иерусалимского», которая начинается с «Казанья святого Кирилла, Патриарха Иерусалимского, об антихристе и знаках его», переведенного с греческого языка и прокомментированного Стефаном Зизанием, а также «Книга о вере», преимущественно основанная на сочинениях Захарии Копыстенского. Представления, выработанные на южных и западных землях в процессе борьбы с унией и во многом зависевшие от протестантского богословия, были подхвачены старообрядческими идеологами. Спиридон Потемкин, протопоп Аввакум, инок Авраамий и другие лидеры старообрядческого движения в своих эсхатологических построениях ссылались на Священное писание, представляли толкования фрагментов текстов, выстраивая цитаты в нужной последовательности [Маёрова, 327]. Первое время старообрядчество, прежде всего, было общественной оппозицией церковным нововведениям, а его богословие — защитой традиции и критикой реформы.

Кроме того, основой раскола, согласно исследованию С. А. Зеньковского «Русское старообрядчество...», стало разностороннее

развитие идеологии «Москва — третий Рим». Она зародилась из воспринятого от Византии учения о вселенском христианском царстве и окончательно сложилась под влиянием важных политических и церковных событий: объединения русских земель под московским единодержавием, заключения Константинопольским патриархатом с Римской церковью Флорентийской унии в 1439 г., установления автокефалии Московской митрополии в 1448 г., перехода Константинополя под власть турок в 1453 г. и крушения Византийской империи, утверждения Константинопольским патриархом Литовского епископа в сане митрополита «всех Руси» в 1470 году [Гольдберг, 113]. В основу этого историософского учения были положены эсхатологические идеи, связанные с толкованием пророчества Даниила *¹.

*¹ Дан 2:31–45,
7:1–28

Саму идеологему «Москва — третий Рим» связывают с именем старца псковского Елеазарова монастыря Филофея (1465–1542). В своих посланиях великому князю Московскому Василию Ивановичу и царскому дьяку Мисюрю Мунехину Филофей обосновал и сформулировал ее в соответствии с господствовавшим в то время мировоззрением и духовными запросами общества. Идея старца о богоизбранности русского народа, о преемстве мессианства русским царством быстро получила широкий резонанс, легко вписалась в уже существующую идеологическую систему. Однако после раскола в Русской православной церкви каждая из сторон сделала акцент на одной из двух составляющих данной концепции: на идее о мировом масштабе миссии Московского царства или на идее о предапокалиптическом характере назначения Московской Руси (положение «Четвертому Риму не быть», т. е. русскому царству дано будет стоять до конца мира). Реформы патриарха Никона, преследуя цель сближения с малороссами, греками и южными славянами, выражали тем самым мессианскую устремленность национальной русской идеологии. Напротив, основополагающим постулатом старообрядцев являлась вера в «Святую Русь» [Зеньковский. Старообрядчество, 208]. Двойственность идеологемы «Москва — третий Рим» и связанного с ней русского мессианизма точно определил Н. А. Бердяев:

Русское религиозное призвание, призвание исключительное, связывается с силой и величием русского государства, с исключительным значением русского царя. Империалистический соблазн входит в мессианское сознание [Бердяев, 20].

В.В. Зеньковский полагает, что доктрина о «Москве — третьем Риме» отражала стремление увидеть в Московском государстве воплощенное Царство Божье, страстное желание сочетать небесное и земное, божественное и человеческое в конкретной реальности. Москва, как она сложилась в середине XVII в., сознательно стремилась оформить себя как духовный центр, священную столицу Руси. Впрочем, таких духовных центров у старообрядцев в истории оказалось несколько. Одним из них в XVIII в. стала Ветка — вначале небольшое поселение на землях Речи Посполитой¹. Ветка была основана в 1680-х гг. бежавшими из Москвы через Стародубские земли приверженцами «старой веры», и заселялась людьми, близкими по духу и жизни. Поэтому здесь идет речь именно об опыте общинной жизни, братского единства и совместного служения Богу и Церкви. Известно, что опыт общинной жизни актуализировался в церкви тогда, когда ей грозила опасность.

Попытка воплощения небесного идеала на земле на примере ветковских старообрядческих общин

В конце XVII в. Ветка строилась как «Малая Москва», с сохранением тех же функциональных черт. По широко бытующим и сейчас свидетельствам, переходящим из уст в уста на Ветке, и Красная площадь, и Покровский собор появились здесь не случайно, а были связаны с подражанием всему московскому, как и стремление сохранить до мелочей все московские обычаи и традиции в храмовом и домашнем благочестии, в богослужении [*Довгялло, 38*].

Идеологическое обоснование построения образа небесного Иерусалима на Ветке было настолько важно, что уже само повествование о создании поселения в «Истории Ветковской церкви» строится на символах райских садов и градов:

...Вместо древес людей умножение показася, трава и терния растущая в вертограды и садовия обратшася. Юноши, оставляя свое юностное мудрование, течаху тамо, яко елени на водные источники, и девы, аки ластовицы там вогнеждахуся [*История, 428*].

1. Ветка — старообрядческое поселение, основанное в 1685 (по другим источникам — в 1682) году. В XVII в. эта территория входила в состав Речи Посполитой. В начале XVIII в. Ветка — крупное поселение городского типа с самоуправлением,

широкими торговыми связями, окруженное слободами. В 1730-х гг. в городе с прилегающими слободами проживало около 40 тысяч человек [*Памяць, 59–64*].

Храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы был освящен на Ветке в 1695 г. С этого времени здесь совершалась литургия. Хотя и с канонической, и со старообрядческой точки зрения в освящении этого храма — тремя беглыми попами с «чужим» антиминсом, без благословения архиерея — было много сомнительного. Но, во многом благодаря храму, Ветка стала одним из главных центров поповщины. Вскоре вокруг храма возник Покровский монастырь, к которому, пересекая границы Российской империи, устремилась масса паломников, как и разного рода беглых солдат, фабричных людей, крепостных, разоренных мужиков. Нашел здесь приют и Емельян Пугачев, который в составе армии генерала Маслова принимал участие «во второй выгонке» Ветки в 1764 году [*Памяць*, 64].

К 30-м годам XVIII столетия Ветка становится крупным поповским центром в противовес Выговскому беспоповскому. К ней «прислушивались и духовно подчинялись поповцы Москвы, Поволжья, Дона, Яика, как и все поповщинские колонии раскола в юго-западной, юго-восточной России» [*Лилеев. Из начальной истории*, 152].

Ветковцы, как мы можем предположить, были знакомы с лучшими образцами древнерусской книжности, где особое место занимало «Послание о рае», принадлежащее перу новгородского архиепископа Василия Калики [*Алексеев*, 89]. Главная тема «Послания» — попытка доказать существование земного чувственного рая, которое должно продлиться до Второго пришествия Христа и которое является прообразом будущего мысленного рая. Восстановление же божественного рая во всей полноте должно произойти после Страшного суда, когда духовная и чувственная природы воссоединятся [*Алексеев*, 95]. Можно предположить, что в старообрядческой среде известны были и работы прп. Иоанна Дамаскина, который в своем «Точном изложении православной веры» настаивает на двойной природе божественного рая. А в ряде некоторых древнерусских сборников даже помещались статьи, посвященные географии земного рая [*Алексеев*, 90]. С этим, по-видимому, связан и ничем не скрываемый интерес, и многочисленные попытки старообрядцев отыскать землю обетованную в Беловодье и Китеже. Широкое бытование получили в старообрядческой среде и апокрифические тексты, разворачивающие сюжеты, лишь кратко очерченные в Священном писании, такие как «Книга Еноха», «Хождение Агапия в рай», «Слово о Макарии Римском» [*Алексеев*,

ев, 85]. Современный богослов, профессор Свято-Сергиевского института в Париже, а позже преподаватель богословского факультета в Белграде, митрополит Герцеговинский Афанасий (Евтич) писал:

Наша ностальгия — это тоска по будущему, по тому, что грядет. Рай не позади, а впереди нас. Мы ищем Того, Кого Адам потерял в раю, и Его — во всей полноте Его славы — мы обречем в грядущем [*Афанасий, 53*].

Поискамирая была насыщена вся культура Ветки. Осознание собственной уникальности и центральности в ощущении себя наследниками «Святой Руси», а своей земли — новым Иерусалимом, позволило старообрядцам-ветковцам выработать своеобразные приемы и формы местной культуры, утверждающие идею «райского сада»: в иконописи, где сочетались элементы канонической иконописи и барочного искусства, в домовый архитектурной резьбе, в украшении окладов и рукописных книг. Художник-реставратор Государственной Третьяковской галереи Э. К. Гусева отмечала в ветковской иконе пристрастие к идиллическим пейзажам, фонам, богато украшенным букетами, венками розанов, обращала внимание на обилие красных тонов в колорите, контрастом которым являются синий, голубой и зеленый [*Гусева, 134*]. Ветковцы восприняли яркое многоцветие южного колорита как образ райского сада, отражающий чаяния небесного Иерусалима, что казалось им вполне понятным. Иконописными образцами для ветковцев служили украинские западные гравюры, а также фряжские письма — иконопись царских изографов конца XVII — начала XVIII века. Обмирщение небесного здесь взаимодействует с одухотворением земного. На чеканных и шитых бисером окладах те же символы, что и в декоре рукописных книг. «Райский сад», окружающий лики святых, традиционно завершался на Ветке резным золоченым киотом с элементами растительного орнамента.

Иконы, украшенные окладами и вставленные в киоты, в большом количестве наполняли пространство жилого дома ветковца, что еще раз подтверждало мысль о важности воплощения небесного града здесь и сейчас, в том числе и в бытовой сфере жизни. Их количество должно было как бы «спустить» небо в реальный мир. Это обстоятельство подтверждается для Ветки уже в начале XX в. в записках этнографа И. С. Абрамова:

Внутри дома стены сплошь уставляются иконами, перед многими из них горит лампадка, в комнате у зажиточных вы можете насчитать до 10 лампад — сплошной иконостас [Абрамов, 122].

Обилие икон в доме объясняется стремлением получать чаемое от Бога через Его святых представителей. Продолжается традиция целebников и определения за конкретным образом только ему одному отводимого функционального предназначения.

В мастерских при монастырях на Ветке переписывали и украшали книги. Книга уподоблялась райскому саду:

Якоже бо венец от различныхъ и изряднейшихъ цветовъ уплетень увеселяетъ зрящихъ своею красотою и благоухание подаючи, притязаетъ к себе многихъ, и яко от пчель сотъ, от многихъ цветовъ, собранъ своею всякаго вкушающаго насыщаетъ сладостию, пречюднымъ же своимъ художествомъ удивляетъ непразнующую умы, тако и сия книжица богодохновенная... [Альфа, 684].

В исследованиях по истории раскола М. И. Лилеев писал: «Грамотные и письменные иноки-скитники специально занимались списыванием книг, на Ветке это дело было обыкновенным явлением...» [Лилеев. Описание, 203]. Одним из тех, кто любил заниматься не только перепиской книг, но и сочинительством, был устроитель и первый священник Ветковской Покровской церкви Феодосий Ворыпин, который «не точию близ сущихъ окормляя, но и в дальнейшихъ странахъ писаньями своими посещая» [История, 429]. Известны его «Послания» в Керженские скиты, написанные в начале XVIII века.

В пору своего расцвета книгами и иконами Ветка в XVIII веке снабжала весь старообрядческий мир. На Ветке же при монастырях было организовано иконописание и устроены склады старопечатных книг [Никольский, 312].

Действительно, обмен книгами между разными старообрядческими центрами был обычным явлением, а ветковскими мастерами, видимо, руководило желание и с помощью узора в книге заставить поверить, что «жить на Ветке мирно, вольно и добро» [Смирнов. Споры, 16]. Это должно было способствовать и в действительности способствовало притоку на Ветку многочисленного населения (уже к концу XVII в. Ветку окружали 14 отдельных

слобод, а позже их насчитывалось до 22), как и возвышению Ветки среди других поповских согласий [*Памяць*, 59].

Ветка как крупнейший центр посадского раскола сама стремилась основать на новом месте старообрядческий «Иерусалим» и «Малую Москву» и отсюда возродить «Святую Русь». Это стремление было совсем не чуждо и многим другим центрам русского раскола, явление это наблюдалось почти повсеместно. При этом церковное сознание того времени, оставаясь горячо преданным самой идее «священного царства», оказалось неспособным удержать равновесие между божественным и человеческим его началами. Эти начала сближались, а затем были отождествлены. Исторический процесс, который не воспринимался как «священное царство», был отнесен старообрядцами к царству антихриста. Поэтому, как писал Н. А. Бердяев, «истинное царство нужно искать в пространстве под землей, во времени — искать в грядущем, окрашенном апокалиптически... Раскольники начали жить в прошлом и будущем, но не в настоящем» [*Бердяев*, 23]. Тогда как для чающих явления Христа время грядущее является временем настоящим, настоящее определяет все, что ему предшествует, и все, что за ним следует.

Представления о миссии Ветки в устройении конечных судеб православного мира

На мировоззрение ветковцев существенное влияние оказала одна из позиций понимания теократического принципа христианства, вызвавшая церковно-богословские разногласия в конце XV в., по вопросу о допустимости иметь церковное имущество, представителем которой стал прп. Иосиф Волоцкий. Г. В. Флоровский замечает, что прп. Иосиф Волоцкий «рассматривал и переживал самую монашескую жизнь как некое социальное тягло, как особого рода религиозно-земскую службу», его идеал — «своего рода хождение в народ», и это было связано с принципиальным сближением церковного и государственного бытия [*Флоровский*, 305]. Старообрядческие монастыри, пустыни и скиты на Ветке имели огромное хозяйственное значение для местных слобожан.

«Старообрядческие скитники были хорошими организаторами хозяйственной стороны своей жизни... для этой цели они пользовались пристававшими к скитам разного рода беглыми русскими выходцами, которых, прежде всего, заставляли работать на братию... а потом уже учили старой вере

и иноческому житию», — сознавался в Преображенской канцелярии в 1720 г. бывший стрелец Агеев, приютившийся в одной из старообрядческих пустынь около Гомеля [*Лилеев. Из истории раскола, 214*].

Ветковцы славились своей домовитостью, предприимчивостью, хозяйственностью. Для них важно было твердо стоять на земле, ощущать опору в земной реальности. Ветка осмысляла себя призванной дать образец противостояния антихристову царству и обустроить земную жизнь в уподоблении жизни в райском саду, в отделенности и ожидании грядущего спасения, чтобы в эсхатоне все возвести ко Христу.

Способы противостояния распаду мира для ветковцев были вполне понятными, почти прописными. Они заключались в восстановлении церковного благолепия, в укреплении и очищении православия, а знаком восстановления христианского благочестия стал обряд. Его сила приобретала некоторые основания в связи с нерадивостью и непросвещенностью архиереев [*Зеньковский. Старообрядчество, 489*]. В ветковских скитах и монастырях богослужение совершалось по Иосифовскому уставу без опущения. Здесь чтецы читали неспешно, внятно. Все общество молящихся крестилось как один и в одно время. Богослужение продолжалось 4–5 часов подряд [*Лилеев. Из истории раскола, 272*]. Все это, наряду с хозяйственным укладом жизни, привлекало множество православных из народной среды. Картина церковного благолепия старообрядческого служения глубоко действовала на сердца набожных простых русских людей, которые зачастую выражали свою веру только в одних благочестивых обычаях. Это приносило некоторый плод, о чем писал исследователь М. И. Лилеев:

Эта внешняя сторона исполнения старообрядческой церковной обрядности, в конце концов, сделала то, что теперь мы видим в старообрядческих молельнях: не публику, не безгласный, мало знакомый с церковными молитвословными чинами народ, а народ строгий, взыскательный, со старопечатным служебником или уставом в руках, проверяющий правильность церковной службы. Мало того, каждый здесь сознает себя членом церкви и дело богослужения — делом не только общей, но и личной совести [*Лилеев. Из истории раскола, 273*].

Внешне организованные формы жизни всегда были понятнее человеку. Однако принесение должных плодов в Церкви для восстановления утраченного Богообщения, «для усовершенствования

*¹ Еф 4:12

ния святых к делу служения, на созидание Тела Христова» *¹ возможно лишь в исполнении призыва Господа поклоняться Богу в духе и истине. На Ветке, как и повсеместно у старообрядцев, представления о богоизбранности Руси закрепились в форме национальной традиции, отступление от которой воспринималось равнозначным измене православию. Православие стало русской верой, произошла национализация православной церкви. Н. А. Бердяев писал:

В духовных стихах Русь — вселенная, русский царь — царь над царями, Иерусалим та же Русь, Русь там, где истина веры [Бердяев, 20].

Особую заботу ветковцы проявляли о нуждающихся в таинствах, в его веществах, представителях беглопоповского толка. М. И. Лилеев пишет о грамотных ветковцах, которые

...объезжая русские города и села под видом купцов и купчих или купецких людей... развозили от своей Ветковской Покровской церкви «крохи» причащения, просфоры, благословенные хлебы и освященную воду; под видом нужды те же ветковские чернецы и черницы исповедовали и причащали в городах и деревнях и «крохи» причащения оставляли всякому желающему за деньги на смертный случай. Эти ветковские «крохи» причащения считались в XVIII веке такой старообрядческой святыней, что чуть не во всяком доме поповцев хранились в складнях и тайниках... Ветка, как рассадник раскола, всюду рассылала... и особенно в Москву, своих учителей и учительниц, проповедников, уставщиков... [Лилеев. Из истории раскола, 152].

И, таким образом, ветковцы принимали на себя дальнейшую ответственность за сохранение истинности православной веры, ощущали себя старшими по отношению к самой Москве.

Понятно, что церковное собрание не может быть самодостаточным, замкнутым на себе. И в ветковских слободах, монастырях и скитах бытовые, социальные и церковные вопросы старались решать исходя из традиционной православной соборности и опыта самоуправления на польских землях. Старообрядцы показали способность к общинному устройству и самоуправлению. На Ветке обычным явлением стали регулярные собрания, «ветковские соборы», где происходило обсуждение и принятие решений по управлению церковными делами, имуществом, публичное избрание иерархических лиц, принятие других важных решений. В XIX в. этнограф Абрамов сделал такую запись о ветковцах:

У беглопоповцев в настоящее время священника нет, подыскивают. Это обстоятельство, однако, не мешает им устраивать продолжительные богослужения, петь и читать Священное Писание [Абрамов, 121].

Ветка — для определенной части русского населения — место, где небеса сходят на землю, и где остается надежда, не отступая от укоренившихся форм и взглядов, обрести спасение, как и исполнить особую миссию для спасения всего истинного православия. Путь спасения, ведущий в Царство Божье, в старообрядческой среде видели в том, чтобы бежать и скрыться от лица антихриста. Однако исследователями старообрядческого движения было замечено, что в конце XVIII — начале XIX века из печатного и рукописного наследия Руси воспроизводились именно те тексты, которые были связаны с поиском путей личного спасения в эпоху воцарения антихриста [Гурьянова, 24]. М. И. Лилеев замечает, что «поселение на Ветке и в стародубских слободах считалось спасительным, а не только удобным» [Лилеев. Из истории раскола, 324].

Но жить ветковцам приходилось в новых условиях, когда речь шла не просто о традиционной культуре, но о продолжении традиций в новой культуре. Все больше строгая логика и жёсткая последовательность сделанных ими вероучительных заключений становились аргументами истинности старой веры. В результате в ряде случаев ветковцы пришли к новым интерпретациям христианских тезисов и новым нормам, имевшим корни в прошлом, но не получившим распространения (как, например, канонически обоснованное крещение мирянами), или вовсе не имевшим корней, но обусловленным их церковной практикой. Уже в XIX в. губернатор Дембовецкий в «Опыте описания Могилевской губернии» отмечает, что один из наиболее распространенных в Могилевской губернии толков — ветковское согласие, отличался от других тем, что миропомазание ветковчане совершали собственным миром, а перекрещивали перешедших к ним из православия священников и мирян без полного погружения в воду. Среди других особенностей он отметил, что ветковчане:

- а) принимают иконы, писанные и не единоверными с ними художниками;
- б) сообщаются в пище и питии с православными... и не считают грехом ходить вместе с ними в баню;
- в) попы их, во время отсутствия своего, избирают мирян и предоставляют им право принимать переходящих в их веру...

исповедовать; г) венчают в избах и клетях; д) запасные дары евхаристии дают монахам и мирянам... [*Дембовецкий, 23*].

Другой историк-этнограф, записывавший свои впечатления о Ветке в конце XIX в. отмечал:

Переселившись в белорусские леса, старообрядцы в течение 200 лет бережно хранят свои старинные устои, хранят вместе с пшеницей и плевелы. Наряду с ценными свойствами народного характера приходится наблюдать досадные пережитки, которые могут быть рассеяны исключительно только светом знания [*Абрамов, 136*].

До середины XVII в. (до вхождения в состав России) Украина была политически связана с Польшей, на чьих землях позже расселялись старообрядцы-ветковцы. Шел очень значимый процесс проникновения церковного просвещения из Украины в Москву [*Флоровский, 568*]. Защитники старого обряда стали активно использовать творческое наследие Киевской митрополии. По утверждению Н. С. Гурьяновой, сделанному на основании анализа старообрядческих эсхатологических сочинений XVIII в., защитники старого обряда считали книжными авторитетами не только литовские книги и адаптированные для русского читателя сочинения украинско-белорусских авторов в московских изданиях, но и киевские издания второй половины XVII столетия [*Гурьянова, 219*]. В 1615 г. в Печерской лавре в Киеве одновременно с созданием Православного Братства появилось крупное церковное издательство [*Знаменский, 497, 500*]. В коллекции Ветковского музея сейчас находится книга печатного двора Киево-Печерской лавры «Анфологион» 1619 г., принадлежавшая семье местного старообрядца. Среди книг, собранных у жителей ветковских слобод, немало изданий белорусских и украинских типографий, выполнявших заказы старообрядцев: в Супрасле, Почаеве, Вильно, Гродно, Могилеве. Ветковцы в своей уникальности не были чужды западным влияниям. Они вполне органично включали в свой обиход книги, напечатанные с ориентацией на западные образцы, которые уже были распространены и в Москве. Все это свидетельствует о несомненном влиянии киевской учености на формирование старообрядческого варианта эсхатологического учения.

Выводы

1. Поиски решений насущных вопросов на Ветке были сосредоточены на воплощении национально-религиозной идеи земного рая, форма которой передавалась из поколения в поколение, а смысловое наполнение существенно изменялось. Вся культура Ветки представляла собой своего рода ларец, куда целенаправленно складывались и где накапливались многообразные символы и ассоциации, связанные с представлениями о чувственном, земном рае, о райском саде, которым и уподоблялась, в известной мере, Ветка. Эта работа органично подчеркивала особую роль, миссию Ветки и стремилась показать благословение этих мест от Бога: «Русскому благочестию присуще особо острое ощущение Бога в материи... В этом живом ощущении обитания Бога в земной святине — корень русского обрядоверия, «старообрядчества» [Карташев, 162].

2. Изначальная эсхатологическая направленность общинной жизни на Ветке в ее стремлении преобразить земную реальность со временем превратилась в буквальное исполнение готовых стереотипных форм в разных областях жизни, хотя и с некоторыми новыми элементами, сходными с первохристианскими. Причиной этого на Ветке, как и во всем старообрядческом движении, стало утопическое понимание теократической идеи христианства, отождествление порядка истории, освящаемого Церковью, с мистическим порядком Царства Божьего. Устойчивость формул и стереотипов всегда рождала у верующего ощущение прочности существующего миропорядка. Но любой самодостаточный, самодовлеющий порядок оказывается безжизненным и безличным. Уверенность в том, что внешние формальные изменения внутрицерковной жизни были связаны с утратой мистической, благодатной сущности Церкви, повлекла за собой наделение особой сакральной силой самих исторически относительных и временных обрядовых форм и утрату свободы жизни по Духу, который «дышит, где хочет»^{*1}. Смещение акцентов в жизни старообрядческих общин на Ветке не позволило актуализировать эсхатологическое церковное сознание как опытное переживание радости Царства в полноте.

3. На примере жизни ветковцев можно видеть, как православная религиозность при низком уровне просвещения и акценте на личном спасении исторически свелась к храмовому благочестию. Изменения стали для старообрядцев основанием для выводов

*1 Ин 3:8

эсхатологического содержания. Разрушение традиционных форм богопочитания расценивалось как онтологическая катастрофа, падение православия, поэтому и был поставлен «эсхатологический диагноз», констатирующий наступление последнего этапа мировой истории, утрату благодати и воцарение антихриста. Хотя во все времена христианство свидетельствовало о себе как спасительная вера, а не как спасительный культ.

4. Оборонительная позиция ветковцев, как и всех старообрядцев, оказалась тесно связанной со стремлением к выживанию и адаптации, а значит — к переменам и преобразованиям. Акцент на нравственных принципах и собственном устройении церковной жизни приводил к полному неприятию опыта жизни других христиан (например, греков, своих же старообрядцев, но других согласий — епифаньевского, диаконовского и т. д.), противопоставлению им себя, а обряд у простых верующих ассоциировался и занимал место догматических истин. Соборность же, как основообразующее качество Церкви, как опытное переживание единства — то, что определяется качеством духовной связи членов Церкви, динамикой внутреннего взаимопроникновения, способностью делать свою жизнь фактом общей жизни, а общую жизнь достоянием своей жизни, — в истории постоянно умаялась, что приводило и продолжает приводить к угасанию духа любви и к новым разделениям и расколам.

Источники и литература

1. *Абрамов* = Абрамов И. С. Старообрядцы на Ветке : Этнографический очерк // Живая старина. 1907. Вып. 3. С. 115–148.
2. *Алексеев* = Алексеев А. Под знаком конца времен : Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв. СПб. : Алетейя, 2002. 350 с.
3. *Афанасий* = Афанасий (Евтич), митр. Эсхатон в нашей жизни // Православная община. 1998. № 2. С. 52–62.
4. *Бердяев* = Бердяев Н. А. Русская идея // Самопознание. М. : Эксмо; Харьков : Фолио, 2006. С. 13–256.
5. *Гольдберг* = Гольдберг А. К предыстории идеи «Москва — Третий Рим» // Культурное наследие Древней Руси : Истоки. Становление. Традиции : [Сборник статей]. М. : Наука, 1976. С. 111–116.
6. *Гурьянова* = Гурьянова Н. С. «Книга о вере» в системе авторитетов старообрядчества // Старообрядчество в России, XVII–XX века. М. : Яз. славянской культуры, 2004. Вып. 3. С. 205–223.

7. *Гусева* = Гусева Э. К. Старообрядческое искусство на Брянщине и Гомельщине // Из истории фондов научной библиотеки Московского университета / Под ред. Е. С. Карповой. М. : Изд-во МГУ, 1978. С. 130–135.
8. *Дембовецкий* = Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях... : В 3 кн. / Под ред. А. С. Дембовецкого. Кн. 1. Могилев на Днепре : Тип. Губ. правления, 1882. 782 с.
9. *Довгялло* = Довгялло Д. И. К истории Ветки // Могилевская старина : Сб. статей «Могилевских Губернских Ведомостей» / Под ред. Е. Романова. Вып. 1 : 1898 и 1899 гг. Могилев : Тип. Губ. правления, 1900. С. 37–40.
10. *Зеньковский. Старообрядчество* = Зеньковский С. А. Русское старообрядчество : Духовные движения XVII века. Munchen : Wilhelm Fink Verlag, 1970. 528 с.
11. *Знаменский* = Знаменский П. В. История Русской Церкви. М. : Директ-Медиа, 2012. 1105 с.
12. *Ипполит* = Ипполит, епископ Римский. О Христе и антихристе. СПб. : Библиополис, 2008. 400 с.
13. *История и обычаи* = История и обычаи Ветковской церкви // Старообрядец. 1906. № 4. С. 423–434; № 5. С. 543–559.
14. *Карташев* = Карташев А. В. Церковь. История. Россия : Статьи и выступления. М. : Пробел, 1996. 302 с.
15. *Ксенос* = Кабанов И. Г. (Ксенос). Кратчайшее начертание истории Ветковской церкви : [Рукопись]. Б. м., первая четверть XIX в. РГБ. Ф. 247. № 246. 8 л.
16. *Лилеев. Из начальной истории* = Лилеев М. И. Из начальной истории раскола на Ветке и в Стародубе XVII–XVIII вв. : Историко-критическое исследование // Известия историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. Нежин : Тип. Е. Ф. Венгера; Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1894. 209 с.
17. *Лилеев. Из истории раскола* = Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубе XVI–XVIII вв. Вып. 1. Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1895. 598 с.
18. *Лилеев. Описание* = Лилеев М. И. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии / Состав. М. П. Лилеев. СПб. : Тип. В. С. Балашова, 1880. 215 с.
19. *Маёрова* = Маёрова К. В. Отражение «картины мира» языковой личности алтайских старообрядцев в их устной повествовательной культуре // Материалы VI Международной научно-практической конфере-

- ренции : Старообрядчество: история, культура, современность, 19–20 ноября 2002 г., Москва. М., 2002. С. 326–332.
20. *Никольский* = Никольский Н. М. История русской церкви. М. : Политиздат, 1985. 448 с.
21. *Смирнов. Споры* = Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб. : Тип. Меркушева, 1909. 168 с.
22. *Флоровский* = Флоровский Г. В., протопр. Пути русского богословия. Париж : YMCA-Press, 1989. 714 с.
23. *Памяць* = Памяць : Гісторыка-дакументальная хроніка Веткаўскага раёна. У 2-х кнігах. Кн. 1. Мінск : БЕЛТА, 1997. 376 с.

O. V. Afanasieva

Eschatological life focus of the Old Believer communities on Vetka Island

The article offers an outline and analysis of the eschatological views held by certain Old Believer communities on Vetka Island and the resulting practices. Despite the visible explosion and establishment of a distinctive culture (Vetka icon painting, carving, decoration of hand-written books etc.), despite its susceptibility to influence of cultures distinct from it, despite the ability of the Vetka communities to self-direct and take on responsibility within the church, despite their aspiration to transform the earthly reality by lifting it up to a heavenly ideal, they still remained committed to stereotypical life models, which resulted in identifying the historical order with the mystical order of the Kingdom of Heaven.

KEYWORDS: eschatology, Old Belief, community, schism, salvation, education, rite, Vetka Island.